

Ян Е слов на ветер не бросал. Навалившись на Лин Шу, он принялся грубо стягивать с него одежду. Тот, обессиленный, не способный даже приподняться, вяло попытался оттолкнуть его, но тщетно — пришлось покориться. Стоило этому безумцу однажды раздвинуть его колени, как они, казалось, больше никогда не сомкнутся перед ним. Очередной яростный порыв страсти стих, оставив Лин Шу распростёртым на земле. Он не мог пошевелиться, в полузабытии переводя дух. Ян Е, тяжело дыша, притиснулся ближе и нежно отвел в сторону растрепавшиеся волосы у него со лба:

— Ну что, всё ещё собираешься уходить?

Ответа не последовало — Лин Шу снова провалился в беспамятство. Кончиками пальцев Ян Е бережно убрал спутанные пряди, открывая осунувшееся, мертвенно-бледное лицо. Даже во сне Лин Шу выглядел изнурённым, лишившимся всяких сил. Вглядываясь в эти черты, Ян Е ощутил укол внезапной жалости. Движения его сделались мягче.

— И как только твой император тебя растил? — негромко проворчал он. — Кожа да кости, обнять не за что. А я ведь предлагал тебе пойти со мной. Так нет же, упрямисься, ломаешься... Егоза.

Лин Шу что-то неразборчиво пробормотал во сне, явно досадуя на то, что ему не дают покоя. Ян Е убрал руку и, поднявшись, пересел к выходу из пещеры. Из укрытия открывался вид на ущелье: здесь, в самой глуши хребта Тайхан, горные пики сияли первозданной красотой, точно сошедшие с живописного свитка. Ян Е не ведал, что творится за пределами этих круч; он просто жил сегодняшним днем. Сумерки сменялись ночью, а затем, казалось, в мгновение ока вновь занимался рассвет. Время летело незаметно в этой сонной оторванности от мира. Любуясь величественным пейзажем, он ловил себя на мысли, что совершенно потерял счет дням. Несколько раз он возвращался вглубь пещеры, но Лин Шу так и не приходил в себя. Ян Е лишь раздосадованно вздыхал и снова выходил наружу, бесцельно бродя среди скал.

В разгар очередного томительного часа в глубине долины промелькнул белый силуэт. Незнакомый мчался с невероятной скоростью, едва касаясь земли, — мастер цингун пробирался вдоль русла ручья. Вскоре Ян Е разглядел статного, изящного мужчину в развевающихся белоснежных одеждах.

По ту сторону гор бушевала война. Воины Центральной императорской гвардии носили чёрные доспехи, а мятежные полки князя Чжао, Ян Си — тёмно-серые. Нарядиться в белое посреди этого хаоса мог лишь один человек на свете — неподражаемый Бай Тинби, вечно кичащийся своим умом и обожающий любоваться собственным отражением. Ян Е торопливо оглянулся на пещеру. Убедившись, что Лин Шу по-прежнему не шевелится, он скользнул к краю массивного валуна. Заметив его издали, Бай Тинби уже открыл было рот, чтобы позвать маркиза, но тот предостерегающе прижал палец к губам, заставив гостя умолкнуть. Взлетев на валун, Бай Тинби шумно выдохнул:

— Маркиз! Вы и впрямь здесь!

— Потихе ты, — шикнул на него Ян Е. — Как ты меня разыскал?

Заметив его суровый вид, Бай Тинби испуганно понизил голос до шепота:

— Юньци подсказал. Он вспомнил, как вы вместе прочесывали эти ущелья, высматривая скрытые тропы. Вы тогда заметили у ручья дикую хурму и заявили, что непременно вернетесь сюда полакомиться, когда плоды созреют. Вот я и подумал, что вы можете прятаться здесь.

Ян Е усмехнулся:

— И что, все бросились меня искать?

— Ещё бы! — закивал Бай Тинби. — Юньци разослал десятерых следопытов и пообещал, что первому, кто нападет на ваш след, покажет три коронных приема из техники сабли Великого Круговорота. Разумеется, каждый лез из кожи вон! — При одной мысли о том, что Бэйчэнь Цин обучит его своему легендарному искусству, глаза Сяо Бая радостно заблестели.

Ян Е смерил его презрительным взглядом:

— Никакого достоинства. Слушай, я пока не собираюсь возвращаться. Актер из меня никудышный, еще выдам себя перед вражескими соглядатаями — хлопот потом не оберешься. Как там дела на позициях?

Бай Тинби, рассеянно озираясь по сторонам, внезапно замер. Взгляд его наткнулся на меч Чжэньбин, по самую рукоять вогнанный в ствол хурмы. С лица Сяо Бая мгновенно схлынули все краски. Он судорожно сглотнул и пролепетал:

— Господин... господин Лин... он тоже здесь?!

— Если бы я не запер его здесь, он бы упрямо пополз за моим братом, чтобы завершить начатое! — с досадой отмахнулся Ян Е. — Только лишнюю смуту навел бы. И чего ты так трясешься? Думаешь, он тебя живьем проглотит? Ближе к делу: что творится снаружи?

— Всё идет по плану, — торопливо заговорил Бай Тинби, стараясь не смотреть в сторону пещеры. — Юньци потому так настойчиво ищет вас: подошел срок отправки вашей Армии Разорения Лояна. По его расчетам, выступать нужно в ближайшие дни, и ваше личное присутствие необходимо для окончательного смотра. Стоит нашему основному войску подойти к Хуанхэ, как Лоян закроет ворота и перейдет на осадное положение. Прощмыгнуть внутрь станет невозможно. Сейчас — самый удачный момент.

Ян Е задумчиво прищурился:

— Верно мыслит. Завтра же выхожу.

— Но почему не прямо сейчас? — замялся Бай Тинби.

Маркиз по-хозяйски опустился на плоский камень и вальяжно закинул ногу на ногу:

— Не видишь, что ли? Я по уши погряз во грехе и сладострастии, у меня тут свое маленькое царство блаженства. Так что возвращайся один.

Услышав это, Бай Тинби едва не разрыдался. Он молитвенно сложил руки, готовый упасть на колени и вцепиться в полы одежд господина:

— Маркиз! Как вы можете?! Предаваться любовным утехам, когда друзья в поле! Благородные мужи так не поступают!

— Да плевать я хотел на благородных мужей! — поморщился Ян Е. — И прекрати сырость разводить, глаза на мокром месте. Завтра к часу Дракона я буду у Юньци как штык, так ему и передай. Пусть не волнуется.

Делать нечего. Бай Тинби вздохнул и, то и дело оглядываясь, побрел вниз по тропе.

— Постой-ка! — окликнул его Ян Е. — Прежде чем уйдешь, поймай какую-нибудь лесную птицу да зажарь для меня. Я два дня на одной хурме сижу, во рту уже от этой сладости тошно. Самому отлучаться нельзя — нужно приглядывать за этим упрямым, да и готовить я толком не умею. Так что выручай.

Натерпевшись унижений, несчастный Сяо Бай все же умудрился изловить жирного фазана и зажарить его до золотистой корочки. Ян Е принял угощение и, глядя вслед удаляющейся фигуре друга, насмешливо крикнул:

— Сяо Бай! Вообще-то, зря ты на эту технику заришься. Она тебе не под силу. У Юньци мощный внутренний поток ци и силища богатырская, только в его руках этот тяжелый клинок крутится как надо. А с твоим хлипким телосложением и ручками-веточками ты саблю даже от земли не оторвешь. Выпроси у него лучше что-нибудь попроще!

Бай Тинби аж задохнулся от обиды. В его глазах снова блеснули слезы, но на этот раз он сдержался: лишь гневно зыркнул на маркиза, демонстративно взмахнул широкими рукавами и скрылся в зарослях.

Солнце клонилось к закату, уступая место сумеркам. Ян Е вернулся в пещеру, бережно приподнял Лин Шу с земли и, прижав к себе, коснулся лбом его лба:

— Проголодался?

Лин Шу, пребывавший в полузабытии, окончательно очнулся. Поморщившись, он попытался высвободиться из чужих объятий и отполз к стене. С трудом сфокусировав взгляд, он хрипло спросил:

— С кем ты только что говорил снаружи? Я слышал голоса... Это люди генерала Вэй разыскивают меня?

— Мечтай больше, — фыркнул Ян Е. — Обычный дровосек заплутал, дорогу спрашивал. Мы глубоко в тылу нашего лагеря, твой хваленый Вэй Мэндо труслив как заяц, он сюда и носа не сунет. Так что выбрось эти бредни из головы. — Он протянул ему сочную фазанью ножку: — Ты уже вечность ничего не ел. На, подкрепись.

Лин Шу лишь устало покачал головой:

— Не хочу.

— Два дня маковой росинки во рту не было, как это «не хочу»? — ворчливо отозвался Ян Е. — Ну же, открывай рот, глупый. Ешь давай, а я пока спрошу кое-что. Тот цветок, что я тебе подарил... он еще жив?

Лин Шу недоуменно приподнял брови:

— Какой цветок?

— Как какой? Белая слива-мэйхуа! Я весной чуть спину не сорвал, пока добыл её, а потом тащил через полстраны из Чанъяня в Лоян, чтобы тайно передать тебе в Верховный суд. И не притворяйся, будто забыл! Ну же, признавайся: выбросил или засушил?

Маркиз ласково пожурил его, параллельно отщипывая кусочки нежного мяса и буквально насильно заталкивая их Лин Шу в рот.

— Глотай! — пригрозил он с усмешкой. — Иначе я сам запихну его языком. А если раззадоришь меня — пеняй на себя, ублажать тебя буду до самого утра, и плевать мне на твою усталость. Ты же знаешь, я парень бесстыжий, звания зверя мне не впервой носить.

Лин Шу пришлось подчиниться и проглотить мясо.

— Дун Гэ швырнул его куда-то за дом, — бесстрастно обронил он. — Жив он или засох, мне неизвестно.

В груди Ян Е мгновенно вскипела глухая ярость, но он подавил её и примирительно улыбнулся:

— Ладно, бог с ним. Съешь еще кусочек. Вот, держи хурму, я прямо с дерева оборвал, сочная, сладкая.

Лин Шу слабо оттолкнул его руку:

— Хватит. Я сыт.

— Да разве можно наесться одной лишь фазаньей ножкой? — ласково укорил его Ян Е. — Давай, ешь. Тебе силы понадобятся, чтобы снова делить со мной ложе.

При этих словах Лин Шу заметно вздрогнул. В его измученном взгляде промелькнул неподдельный страх.

— Пощади... — выдохнул он еле слышно. — Я больше не вынесу.

Ян Е горько усмехнулся:

— Если пообещаешь остаться со мной навсегда, я отпущу тебя прямо сейчас. Впереди у нас будет вечность. Но если нет... Упускать такой редкий шанс я не намерен. Буду брать свое до последней капли.

Он замолчал, впиваясь пристальным взглядом в лицо любовника, хоть в глубине души и понимал, насколько тщетны его надежды.

В пещере воцарилось тяжелое безмолвие. Спустя долгое мгновение Лин Шу отвел взгляд. Лицо его сковала непреклонная решимость.

— Я не предам Его Величество.

Уголки губ Ян Е дрогнули в печальной улыбке:

— Что ж, будь по-твоему. Тогда это наш последний раз. А потом разойдемся как в море корабли.

Собрав последние крохи сил, Лин Шу отчаянно уперся ладонями в его грудь:

— Ян Е, прошу... я действительно измотан... Отпусти меня...

Но пощады не было. В этот последний раз Лин Шу потерял сознание прямо в его объятиях — бледный, беззащитный, с разметавшимися по земле волосами. Гнянув на светлеющий за пределами пещеры небосвод, Ян Е понял: пора уходить. Он надавил ногтем на ложбинку над верхней губой пленника, силой возвращая его в чувство. Когда веки Лин Шу затрепетали, маркиз вновь зашептал ему в самые губы:

— Слушай меня внимательно. Я иду за князем Чжао. Если мы проиграем, моя голова слетит с плеч, и делу конец. Но если я возьму Лоян... пообещай, что будешь ждать меня в Верховном суде. Слышишь? Обещаешь?

Он всматривался в затуманенные глаза Лин Шу. В этих темных омутх клубилась лишь холодная дымка — сквозь неё невозможно было разглядеть и капли ответного чувства, лишь глухую, непреклонную стену отрицания.

Ян Е тяжело, горько вздохнул:

— Глупец ты неблагодарный! Мне плевать, что над твоей судьбой тяготеет проклятие Одиноким звезды Небесного Демона, плевать, что ты раз за разом ранишь меня. Мне наплевать на насмешки толпы и гнев старшего брата. Так почему ты с упорством безумца цепляешься за своего паршивого императора и не желаешь даже обернуться?! Раз ты не хочешь по-хорошему, что ж — смотри, как я поведу войска на штурм Лояна! Собственными руками придушу твоего повелителя, и поглядим тогда, кому ты станешь служить!

Ян Е резко разжил руки, и Лин Шу беспомощно повалился на солому, глухо застонав от боли.

— У меня дела государственной важности, я ухожу, — сухо бросил маркиз, застегивая пояс. — Провались ты пропадом, иди куда глаза глядят. Но запомни: если еще хоть раз посмеешь покуситься на жизнь князя Чжао, лично искромсаю тебя на куски!

— Убирайся... — прохрипел Лин Шу, из последних сил вкладывая в эти слова всю скопившуюся ненависть.

Ян Е поднялся и спешно накинул верхние одежды. В ногах ощущалась отчетливая слабость — последствия многодневного безудержного разгула давали о себе знать. Маркиз ухмыльнулся:

— Да уж, за эти дни я на тебе столько сил растратил, что половину своего боевого мастерства растерял, не иначе. Но ничего, как выпадет случай — обязательно продолжим наши забавы. В конце концов, глупо упускать такую сладкую плоть!

С этими словами он развернулся к выходу. Лин Шу, буравя взглядом его спину, лихорадочно пошарил рукой по земле. Пальцы наткнулись на круглый голыш величиной с гусиное яйцо. Собрав остатки воли, он швырнул его точно в лопатки уходящему мерзавцу:

— Животное!

Камень угодил прямо в цель. Ян Е охнул, подпрыгнув на месте, и обернулся с притворным удивлением:

— Ого, да у тебя еще силушка осталась? Может, повторим на бис?

Лин Шу мгновенно натянул на голову край разорванного халата и демонстративно отвернулся к стене. Проводив его тихим смешком, Ян Е наконец покинул пещеру.

Лин Шу лежал неподвижно, вслушиваясь в затихающие шаги. Лишь когда воцарилась полная тишина, он решился стянуть с лица ткань. Тело ломило от дикой усталости, а кожа после этих безумных дней казалась грязной и липкой, источая чужой, дурманящий запах. Накатила волна невыносимого отвращения к самому себе. Немного переведя дух, он кое-как поднялся на ноги. Пошатываясь, Лин Шу побрел на доносившийся снаружи шум воды. Спустившись по каменистому уступу к ручью, он торопливо сбросил одежду и шагнул прямо под хлещущие струи ледяного водопада. Тело мгновенно пронзила жестокая дрожь.

Праздник Середины осени давно миновал, и ночи в ущельях Тайхана дышали ледяной стужей. Но Лин Шу было все равно. Смывая с себя следы позора под нещадным ледяным потоком, он чувствовал, как проясняется его затуманенный разум. Сквозь водяную завесу он отрешенно взирал на сияющий в вышине лунный диск, и в такт шуму воды в его памяти всплывали картины прошлого.

Он переступил порог Верховного суда еще двенадцатилетним мальчиком. С тех пор вся его жизнь состояла из бесконечной череды пыльных свитков, жутких орудий допроса и замученных узников. Никто не смел приближаться к нему — за исключением разве что двоих его верных подручных, бывших мясников. Даже наследный принц, Ян Тао, навещая его изредка, неизменно держался на почтительном расстоянии. Почти все важные государственные преступники, попадавшие на допрос к грозному Левому заместителю судьи Верховного суда Лин Шу, бледнели от ужаса при одном его имени. Они молили богов о скорой смерти, лишь бы не оказаться в его застенках.

Годы утекли безвозвратно, точно песок сквозь пальцы. И теперь, терзаясь горькими думами посреди дикого ущелья, он не находил ответов. Ян Е — закоренелый бунтовщик, посягнувший на престол. По закону его следовало предать мучительной казни через медленное разрезание на части, но вместо этого мятежник три дня удерживал его в плену, предавая пороку. Этот праздный повеса то нашептывал слова безумной нежности, то сыпал яростными угрозами. Где в его речах была правда, а где искусная ложь? Лин Шу так и не смог разгадать его замысел. Из-за этих мыслей он совсем позабыл о долге — а ведь там, за горным хребтом, решалась судьба империи, и он не имел представления, что происходит на полях сражений.

Кое-как умывшись, он выбрался на берег, с трудом натянул одежду и подошел к хурме, чтобы забрать верный меч Чжэньбин. Но едва сталь скользнула в ножны, как перед глазами всё поплыло, а земля ушла из-под ног. Силы окончательно покинули его. Понимая, что дело плохо,

Лин Шу, шатаясь, добрал до пещеры и обессиленно рухнул на охапку сухой соломы. Его бил жестокий озноб — тело горело в лихорадке.

Жар не спадал двое суток. Лишь благодаря многолетним тренировкам и крепкой внутренней ци Лин Шу сумел выкарабкаться. Как только лихорадка немного отступила, он, не теряя ни минуты, преодолевая слабость, побрел вниз по горной тропе. Скрытно огибая недавние места сражений, усеянные следами былых битв, он осторожно пробирался к стенам уезда Хэнэй. Но стоило ему подобраться ближе и взглянуть на городские ворота, как он замер на месте, пораженный увиденным.

<http://bllate.org/book/19546/1998837>